

ерокорейским отношениям выглядят весьма субъективными, это ни в коей мере не умаляет достоинств его глубокого исследовательского труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- История Кореи (Новое прочтение)* / Под ред. А.В. Торкунова. М.: РОССПЭН, 2003.
Ткаченко В.П. *Корейский полуостров и интересы России*. М.: Вост. лит-ра, 2000.
Отношения Советского Союза с Народной Кореей. 1945–1980. Документы и материалы. М.: Вост. лит-ра, 1981.

*Дорогами Турама Галактионис
Ковалю с научными перевода
М.М.М.М. Ковалю в.*

Г.Г. ЧИКОВАНИ. КАШКАДАРЬИНСКИЙ АРАБСКИЙ ДИАЛЕКТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.

Тбилиси: Ин-т востоковедения им. Г.В. Церетели,
Тбилисский ин-т Азии и Африки, 2008. 260 с. (1)

Г.Г. ЧИКОВАНИ. БУХАРСКИЙ ДИАЛЕКТ АРАБСКОГО ЯЗЫКА.

Тбилиси: Ин-т востоковедения им. Г.В. Церетели,
Тбилисский ин-т Азии и Африки, 2009. 194 с. (2)

От ре-
цензента
27.10

2010

А. Г. БЕЛОВА

Арабское языкознание XXI в. пополнилось новыми фундаментальными исследованиями в области арабской диалектологии. Рассматриваемые книги Турама Галактионовича Чиковани – известного арабиста-семитолога, представителя научной традиции, заложенной ленинградской школой востоковедения и тбилисской школой семитологии, тесно связаны между собой. Наряду с изучением истории арабского языка, как внутренней, так и внешней, ученый много лет продолжает собирать материал двух “периферийных” (“островных”) диалектов арабского языка, сохраняющихся до нашего времени на территории Узбекистана. Кашкадарьинский диалект (далее – КД) распространен в кишлаках Джейнау и Камаша Бешкендского района (юг страны), бухарский диалект (далее – БД) – в кишлаках Гиджуванского района Бухарского округа и района Вабкенда. По наблюдениям автора, на БД говорят 3000 человек, на КД – 1500 человек (1, с. 7).

Особое положение изолированных арабских диалектов, сохранившихся в течение нескольких веков в окружении тюркских и иранских языков, уже с первой половины XX в. привлекает пристальное внимание арабистов-языковедов и типологов¹. Установление фонетико-фонологической системы и грамматического строя “островных” диалектов может показать степень устойчивости и изменчивости бесписьменного языка в условиях иноязычного окружения: какие из общепарабских категорий язык сохраняет, а какие подвергаются изменению или редукции. Неоценимый вклад в сравнительную арабскую диалектологию может внести структурно-типологическое сопоставление “островного” диалекта и диалектов, функционирующих на исконных территориях арабоязычного населения.

Композиционно рецензируемые книги построены по одному плану: предисловие с краткой историей изучения среднеазиатских диалектов в отечественной и зарубежной арабистике; Ч. I: фонология, грамматика и лексика диалекта; Ч. II: тексты с переводом и комментариями. Работа по КД снабжена списком исследований автора, посвященных данным диалектам (с 1983 по 2007 г.). Работа по БД представлена параллельными текстами на грузинском и русском языках, имеет дополнительные разделы: “Разговорник” и “Основной лексический фонд”. В книги включены авторские фотоснимки информантов – носителей КД и БД и других современных представителей арабского населения вышеназванных районов.

Языковую ситуацию в изучаемых районах автор характеризует как диглоссию (билингвизм), когда представитель арабского населения наряду с арабским (бесписьменным) владеет одним из ведущих языков исторического окружения – узбекским или таджикским; как триглос-

¹ Об этом может свидетельствовать большое количество работ не только российских и грузинских ученых, но и зарубежных востоковедов, многие из которых опираются в основном на работы и материалы непосредственно наших исследователей (см., например: [Zimmerman, 2009]).

сию, когда индивид наряду с родным арабским владеет узбекским и таджикским. В ряде случаев отмечается слабое владение родным арабским и представителями молодого поколения (1, с. 6-7; 2, с. 47).

Новые материалы по БД, собранные автором в 1980 и 2000 гг., свидетельствуют о некоторых изменениях языковой ситуации: в первых кишлаках, обследованных в 1930-е гг., арабская речь уже не фиксируется, однако обнаруживается в ряде других кишлаков Гиджуванского и Бухарского районов. Новые записи фольклорных текстов свидетельствуют о том, что арабский диалект этих районов отражает влияние таджикского языка (2, с. 47-48, 106).

Анализ топонимов в районах сохранения арабского диалекта позволяет автору сделать вывод о том, что топонимы, содержащие названия древнеарабских племен (например, "Нау Курейш, Кахлай"), отражают более древнюю волну миграции арабов в Кашкадарьинский район. Тогда как в Бухарском и Самаркандском районах топонимы, включающие общее опорное опреление "араб-" (например, "Араб Сарой"), отражают более поздний период распространения арабов на этой территории (2, с. 48). Это наблюдение автора, на мой взгляд, является очень важным в решении до сих пор спорного вопроса о времени и путях миграции арабов в район Центральной Азии и достойно специального исследования.

Важный раздел каждой из книг составляют новые записи устных повествований фольклорного характера, сделанные автором в последние годы XX - начале XXI в. (1, с. 52-119; 2, с. 64). Тексты передаются в латинской транскрипции с соответствующей диакритикой, принятой в семитологии и арабистике. Транскрипция последовательно фонетическая. В такой же системе составлен разговорник на бытовые темы (2, с. 117-133) и список базовой лексики (2, с. 137-16). Кроме того, в книге о БД имеется алфавитный индекс всей именной лексики из списка основного лексического фонда (2, с. 165-175 на груз. яз.; с. 179-189 на рус. яз.).

Основные сюжеты фольклорных текстов представляют сказки или истории местного содержания. События в них разворачиваются в обстановке, характерной для данного региона. Действующие лица также представляют персонажи прошлых эпох и образ жизни населения Центральной Азии: приключения молодых героев в пустынях и городах, истории о бедняках, пастухах, баях, эфенди и пашах, сказки с участием животных. Однако одно из исторических преданий кишлака Джейнау повествует о происхождении местных арабов от "бабушки Агар" (1, с. 53; пер. с. 120-121, коммент. с. 189); среди образцов бухарского района можно отметить повествование "Юсуф" (2, с. 55-56; пер. с. 93-94, коммент. с. 106-107) - реминисценцию истории об Иосифе. Один из бухарских рассказов представляет семейную биографию рассказчика - жителя кишлака Джогары (2, с. 61-62; пер. с. 100-101, коммент. с. 110-113).

Важная часть каждой из книг - подробные комментарии к фольклорным текстам, следующие за переводом в которых рассматриваются вопросы фонетики и грамматики, не затронутые в очерках, предворяющих фольклорный материал.

Языковой материал, собранный Г.Г. Чиковани в последние десятилетия, позволяет представить более полное описание звукового и грамматического строя обоих диалектов, подчеркнуть инновации некоторых грамматических форм и лексического состава как БД, так и КД. Наибольшее внимание уделяется очерку фонетического строя и грамматики КД².

Первый раздел посвящен детальному анализу и описанию звуковой системы КД (1, с. 12-15). Такой анализ является необходимой предпосылкой дальнейшего изучения малоизвестного бесписьменного языка. К фонетическим инновациям можно отнести такие явления, как позиционные изменения согласных: оглушение в конце слова: *harap* (<лит. араб. *harab*-) "убежал", *manah* (<лит. араб. *mana*') "запретил"; вторичная эмфатизация как позиционное явление в герминированных основах: *rabb* (<лит. араб. *rabb*-) "Господь; владыка", *umma* (<лит. араб. *'umma*) "мать"; в случае присутствия в консонантном корне исконного эмфатического (1, с. 18).

В результате автор устанавливает фонологическую систему согласных, состоящую из 24 фонем (1, с. 18). В целом редукция фонемной системы КД (по сравнению с праарабской, 28 фонем) соответствует общедиалектной тенденции падения интердентальных (межзубных) $t > s$ (или t), $d > z$, $z > z$; эмфатического латерального q (<* q) $> z > z^3$; падения ларингального (позиционного) (1, с. 12-13).

² Возможно, это связано с тем, что БД уже были посвящены специальный словарь [Винников, 1962] и специальный труд В.Г. Ахвледиани по фонетике, фонологии и морфологии [Ахвледиани, 1985].

³ Передвижение эмфатического латерального характерно для северо-восточного ареала распространения арабских диалектов (Месопотамия, области, сопредельные с ираноязычным населением).

Вокализм КД также рассматривается с фонетической и функционально-фонологической точек зрения. Большинство кратких гласных характеризуется позиционными изменениями: чередованиями по тембру и количеству в зависимости от консонантного окружения и ударения в слове или словосочетании, падением в открытом предударном слоге и, напротив, сохранением в благоприятном консонантном окружении (1, с. 20–22). В результате анализа фонологических оппозиций автор устанавливает систему гласных фонем КД из пяти гласных: (*a-e-i-o-u*), главной особенностью которой (по сравнению, например, с системой классического арабского языка) является отсутствие фонологической оппозиции по краткости–долготе. Наличие долгих гласных в КД обусловлено ударением или сохранением традиционного произношения ряда словоформ (1, с. 23).

БД характеризуется системой согласных фонем из 25 единиц (за счет нерегулярного сохранения эмфатического *ʕ*) (2, с. 21–32). Фонематическая система гласных устанавливается как идентичная кашкардарьинской. Фонетической особенностью, отмеченной для БД, является переход *ā > ȃ* под влиянием таджикского языка (2, с. 33).

Познакомившись с детальным описанием фонетических особенностей КД, остается пожелать автору в дальнейшем исследовании ввести морфонологический аспект в описание как КД, так и БД. Установление слоговой функции гласных в слове и слове, роли ударения (подвижного, как в классическом арабском, или постоянного) непосредственно связано с изменениями в морфонологической структуре словоформы и с перестройкой соответствующих парадигм. К сожалению, о слоге и ударении сказано очень кратко в БД (2, с. 33–34) и бегло в КД (1, с. 44 – о производных глагольных основах; в коммент. – с. 196; об интонационном ударении – с. 206)⁴. Несмотря на отсутствие морфонологической характеристики КД, читатель может получить достаточно полное представление о слоговой и вокалической структуре слова в разделах, посвященных словообразованию именных и глагольных частей речи (1, с. 23–36; 36–45). Следует отметить важные наблюдения автора о том, что в КД исчезает фонологическое, а следовательно функциональное, различие между долгими и краткими гласными (1, с. 23), а также между “долгими” (или традиционно-геминированными, удвоенными) и краткими согласными (1, с. 44). Это явление может означать тенденцию к сокращению такого способа слово- и формообразования, как аблаут (внутренняя флексия). Например, в формировании производных глагольных основ (1, с. 44) или “ломаного множественного” числа имен (1, с. 27)⁵. Напротив, расширяется способ внешнего формо- и словообразования за счет морфем собственно арабского происхождения: *-a(t)* (f. sg), *-āt* (f., m. pl.), *-in* (pl.)⁶; отглагольные имена образуются от неизменной первичной основы присоединением суффикса *-ān/-ōn* (1, с. 24, 227; 2, с. 43).

КД сохраняет некоторые формообразовательные категории. Категория рода (м. р.: ж. р. = *a/e*) (1, с. 27), судя по конструкциям в текстах, остается согласовательной, ср., например: *mahhalat*-на *biḡa* “наш район большой”, где определяемое *mahhala(t)* имя ж.р., определение *kbīr-a* (f.) (1, с. 100, с. 169); *fad bint ḡidō zēna* “одна девушка очень красивая” (f.) (1, с. 54, 121).

Категория состояния, отмеченная автором (показатели определенности *il-*, неопределенности – *fad* “один”) (1, с. 28), судя по текстам, функционирует нерегулярно и не является согласовательной. Категория числа, как для именных частей речи, так и для личных форм глагола, ограничена противопоставлением ед. ч.: мн. ч., следы двойственного числа представлены реликтами в словах, обозначающих парные части тела или какие-то парные предметы (*ridn-ēn* “два рукава”) (1, с. 27). Категория лица: система личных местоимений сохраняет полную систему форм, т.е. формы 2-го и 3-го лица ж. р. мн. ч. (1, с. 33–35); соответственно они сохраняются и в системе местоименных клитик, и в системе парадигмы личных глагольных форм (1, с. 37–40).

Аналогичную систему формообразовательных категорий представляет и БД (2, с. 35–36, 38–41); следует подчеркнуть, что здесь категория состояния становится менее регулярной (2, с. 34).

⁴ Подробный морфонологический анализ словоформ в БД, где подвижность, появление или падение гласных, а следовательно перестройка слоговой структуры словоформы, дается в разделах “Изменение гласных”, “Структура именных и глагольных основ” [Ахвеледзани, 1985, с. 17, 25, 31–33, 40, 46–47, 64–65]; ср. также: [Белова, 2000].

⁵ Эта же тенденция отмечается и в БД (2, с. 35, 41).

⁶ В КД отмечен суффиксальный формант =*n* как показатель мн. ч., который может присоединяться как к именной основе, так и к личному местоимению (1, с. 207, коммент. 10, с. 212, коммент. 14, с. 215, коммент. 12, с. 223, коммент. 10, с. 223, коммент. 1). Об этом явлении стоило бы подробнее сообщить читателю в разделе об именных формах числа.

Таким образом, по своей системе полной парадигмы личных местоимений и личных форм среднеазиатские диалекты относятся к группе восточноаравийских (часть их относится к группе диалектов бедуинского типа), которые сохраняют формы 2 и 3-го лица ж. р. отличие от таких диалектов, как сирийский, багдадский (городского типа), Северной Аравии, где система личных форм местоимений и глаголов редуцирована во мн. ч. и располагается одной формой для 3-го и 2-го лица мн. ч. общего рода.

Большое значение для сравнительной арабской диалектологии и истории арабского языка в целом представляет в рассматриваемых диалектах тенденция к образованию новых форм и способов выражения более дифференцированных глагольных времен. Г.Г. Чиковани устанавливает в пределах общей категории времени целую систему из шести подкатегорий. В парадигме времен участвуют как общесарабские синтетические личные формы перфекта и имперфекта, так и инновационные сложные аналитические формы:

а) совершенное прошедшее (перфектная основа);

б) неопределенное прошедшее (развивается под влиянием тюркской глагольной системы) образуется из формы действительного причастия первичной глагольной основы в сочетании с соответствующим местоименным суффиксом для выражения лица;

в) неопределенное настоящее (имперфектная основа или новая аналитическая конструкция имени действия смыслового глагола + вспомогательный спрягаемый глагол *šaw'a* "делать" в имперфекте);

г) определенное настоящее (передает продолжительное действие и сопоставляется автором с англ. *present continuous*; образуется аналитически, но двояко: спрягаемой имперфектной основой, к которой в постпозиции присоединяется неизменяемое причастие действительного залога *nā'im* (глагол *nām* "спать, пребывать в покое, лежать"); та же конструкция, но вспомогательная форма причастия спрягается (по форме "б") параллельно со спрягаемым имперфектом;

д) простое будущее (передается простой формой имперфекта);

е) сложное (незамедлительное) будущее (образуется путем присоединения к имперфектной основе префикса *ta-*) (1, с. 42–44)⁷. Система временных форм глагола в БД представляется аналогичной в КД, однако в качестве вспомогательного глагола для "прошедшего продленного" отмечается глагол *kōn* (*kān-a*) (2, с. 42–43).

Намеренно останавливаюсь столь подробно на глагольных категориях, так как глагольные системы в арабских диалектах представляют показательное инновационное звено во всей грамматической системе каждого диалекта, определяют общие тенденции изменений грамматического строя, затрагивая также и систему литературного языка.

Отмечая общедиалектную тенденцию вербализации причастий, еще раз подчеркну, что новые способы выражения глагольных категорий в среднеазиатских диалектах формируются на собственных глагольных основах, однако образуются под очевидным влиянием таджикского и узбекского грамматического строя.

Инвентарь наречий, предлогов и частиц, характерных для КД и БД, в основном представляет общесарабское наследие (2, с. 43–46; 1, с. 45–48). Числительные по составу лексических основ также восходят к общесарабскому фонду, за исключением таджикских заимствований для "8" (*hašt*) и "9" (*nūh*) (2, с. 36; 1, с. 28–29). Сложные конструкции составных числительных имеют свои особенности по сравнению с общесарабской структурой (от "11" до "19"): десятки занимают первое место в словосочетании (2, с. 37; 1, с. 29).

Словарный фонд диалектов по своему составу представлен базовой арабской лексикой, восходящей к общесемитской, локальной лексикой, заимствованной из контактирующих таджикского и узбекского языков, частично из русского (*birgadīr* "бригадир", *farmad* "оформлять") (1, с. 48–51, с. 194, коммент. 6; 2, с. 137–162).

Вместе с тем словарный фонд среднеазиатских диалектов демонстрирует результаты новых способов словообразования, обусловленных особыми обстоятельствами функционирования языка в иноязычном окружении. Помимо прямых заимствований из контактных языков в диалектах появляются "композиции" – сложные глаголы типа *ḥazā-anṣa* "привел" (<"взял" + "дал"), *fatam-lērifēn* "знаешь" (<"понимание" + "знаешь, умешь"), *zēn šāfa-hā* "полюбил ее" ("хорошел

⁷ В формах имперфекта, зафиксированных в кишлаке Джогары, характерны префиксы *m-/mi-* таджикского происхождения (2, с. 105, коммент. 4,5).

⁸ Относительно данной формы нельзя не упомянуть формы настоящего–будущего времени с префиксами *da-*, *ta-/dā-* в диалектах Северного и Центрального Ирака [Jastrow, 2000, p. 423].

видел ее") (2, с. 111, 189; 1, с. 214). С точки зрения словообразования сложные структуры представляют кальки или отражают влияние глагольных форм таджикского или узбекского языков. Способ словосложения, не характерный для арабского словообразования, распространяется и на область имени, например: *bābēt* "дверь" (< *bāb-bēt* "дверь дома") (2, с. 148), *gaḥḥimantum* "ничего не имеющий" (1, с. 51).

По достоинству оценивая фундаментальные исследования Г.Г. Чиковани, посвященные современному состоянию среднеазиатских арабских диалектов, хочется высказать пожелание расширить грамматический анализ уникальных материалов, полученных в последние годы XX – начале XXI в. В результате знакомства с данными работами возникает вопрос о синтаксических конструкциях, представленных в текстах КД и БД. При разборе текстов и комментариев к ним вырисовываются примечательные инновации в структуре словосочетаний и предложений:

1) формирование определительных словосочетаний нового ("изафетного") типа с особым показателем изафетной связи *-īn*: *faras-īn khīr* "конь-*īn* большой" (2, с. 34), *mī-īn ḥilwu* "вода-*īn* хорошая" (2, с. 36); в другом тексте: *dābiḥ-un aswad* "лошадь-*un* черная" (2, с. 55), так же в КД: *ḥaḡarat-īn khīra* "дерево-*īn* большое" (1, с. 195, коммент. 7). В последнем примере новая изафетная связь "накладывается" на старую согласовательную связь по роду (ж. р.): см. также (1, с. 237, коммент. 1); второй вариант определительного словосочетания типа *ḡeinaw ademiyāt-a* "Джейнау – жители его" (т.е. "жители Джейнау") автор отмечает как "турецкий изафет", развившийся под влиянием узбекского языка (1, с. 188, коммент. 5);

2) перестройка порядка слов в предложении на SOV (именное подлежащее – прямое дополнение – глагольное сказуемое), что видно из текстов и отдельных примеров, также может быть охарактеризована как один из типичных строевых признаков среднеазиатских диалектов. К сожалению, об этой синтаксической инновации автор упоминает лишь в комментариях к текстам, например: *fad iōm āfāndi i-bozōr ḡādi* "однажды эфенди на базар пошел" (1, с. 222, коммент. 3); *'abū i-dūik māra ḥaza-anta* "...отец ему жену привел" (1, с. 111, коммент. 4).

Большой языковой материал и вопросы, поставленные Г.Г. Чиковани при его интерпретации, неизбежно вызывают у читателя не только интерес, но и новые вопросы. Например: достаточно ли имеющихся языковых данных для того, чтобы установить время отделения КД и БД от основного континуума древнеарабских диалектов и определить, какие признаки древнеарабского состояния в них сохранились?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахвледиани В.Г. *Бухарский арабский диалект*. Тбилиси: Мецниереба, 1985.
- Белова А.Г. Вокалическая структура слова в восточноарабских диалектах // *Typological Researches*. Сб., посвящ. 75-летию В.Г. Ахвледиани. Georgian Academy of Sciences, G. Tsereteli Institute of Oriental Studies, Tbilisi, 2000.
- Вишников И.Н. Словарь диалекта бухарских арабов // *Палестинский сборник*. Вып. 10 (3). М.-Л.: Изд. АН СССР, 1962.
- Jastrow O. Iraq // *Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics*. Gen. Ed. K. Versteegh; As. Ed. Mushira Eid, A. Elgibali, M. Woidich, A. Zaborski. Leiden–Boston: Brill, Vol. II, 2007.
- Zimmerman G. Uzbekistan Arabic // *Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics*. Gen. Ed. K. Versteegh; As. Ed. Mushira Eid, A. Elgibali, M. Woidich, A. Zaborski. Leiden–Boston: Brill, Vol. IV, 2009.